

М.И. ВОЕЙКОВ

доктор экономических наук, профессор,
зав. сектором ФГБУН Институт экономики РАН

ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИНСТИТУТЕ ЭКОНОМИКИ ЗА 90 ЛЕТ

В статье рассматривается развитие политэкономических исследований в Институте экономики РАН за 90 лет его существования. Выделяется особая школа политэкономических исследований Института как реальное направление экономической теории. Суть этого направления состоит в следующем. Для советского периода политэкономические исследования Института доказывали необходимость большего развития товарного производства и рыночных отношений в советской экономике. Для постсоветского периода исследования Института доказывают необходимость большего государственного регулирования экономики и ограничения рыночных отношений.

Ключевые слова: политическая экономия, товарно-денежные отношения, собственность, рыночные отношения, Институт экономики.

JEL: A11, B30, B31, P00.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10001

Институт экономики и функции политической экономии

Отечественные экономисты, занимавшиеся исследованиями в советское время в условиях сталинского тоталитарного режима, обязаны были кроме выполнения своих научных функций служить пропагандистами официальной идеологии «марксизма-ленинизма». Это, несомненно, накладывало печать на все экономические исследования, проводившиеся в нашей стране, особенно на теоретические исследования в области политической экономии. Однако эта пропагандистская функция ученых не могла охватить весь объем теоретических исследований. Внимательный анализ становления и эволюции политэкономических исследований тех лет убеждает, что они имели и положительный научный результат. В данной статье рассматриваются место и значение политэкономических исследований советского периода в истории отечественной экономической мысли и, в частности, роль ученых Института экономики (далее ИЭ) в ее развитии.

Политэкономические исследования в ИЭ, безусловно, должны были учитывать рамки тогдашних идеологических установок, но при этом они имели собственную логику развития и в значительной степени отражали новую хозяйственную реальность, которая питала эти научные исследования и определяла их направления. Когда логика научных исследований «уводила» ученых ИЭ в сторону от официальных идеологических схем, то им своевременно указывали на их «уклонения». Такие указания (постановления ЦК КПСС в адрес ИЭ) не были одноразовыми, что говорит о том, что в исследованиях ИЭ все-таки доминировала самостоятельная логика научного анализа, которая в целом не вполне или не всегда соответствовала тогдашним идеологическим схемам.

* * *

Институт экономики был создан в 1930 г. До 1960-х годов он представлял собой головное, с точки зрения идеологии, научное учреждение, занимавшееся исследованием политэкономических проблем. Это было связано с рядом причин, основная из которых заключалась в том, что ИЭ стал преемником Института экономики Коммунистической академии, где в первые годы советской власти концентрировались исследования идеологических и методологических проблем строительства нового общества. Становление ИЭ пришлось на период формирования сталинизма, и большинство (или все) политэкономических исследований находились под этим воздействием. Никто из заметных исследователей не избежал, в той или иной мере, влияния сталинской методологии. В работах сотрудников ИЭ 40-х годов четко прослеживается линия «борьбы» на «трех линиях фронта»: против буржуазных экономистов, против троцкистов и против правых (бухаринцев).

К середине 30-х годов со всеми серьезными течениями экономической мысли в России, которые не вписывались в установленные идеологические рамки, было покончено. Однако некоторые положения этих течений волей-неволей пробивались и через сталинскую методологию. Ведь формировалась принципиально новая экономическая система, которую нужно было осмыслить и объяснить, что невозможно без понимания реально происходящего экономического процесса. А именно на базе этого процесса формировались разные течения экономической мысли. Даже те, которые были ликвидированы официально, стали реально проявляться в ходе политэкономических исследований.

В научно-исследовательской деятельности ИЭ важное место отводилось политической экономии вообще, и политической экономии социализма в частности. При этом следует отметить, что в советской политической экономии социализма существовало несколько тече-

ний или направлений, представители которых пытались усовершенствовать существовавшую экономическую систему и не занимались собственно апологетикой. Поэтому исходить из факта существования политической экономии социализма с ее школами, дискуссиями и творцами можно и нужно. И чтобы двигаться дальше, то есть развивать отечественную экономическую теорию, нам надо проанализировать и оценить прошлые этапы ее становления – будет легче понять особенности общественного строя, который более чем 70 лет существовал в нашей стране и который нельзя считать исчезнувшим без каких-либо следов.

Это важный момент. Он характеризует сложившуюся методологию отечественной экономической науки, которая полностью сохранилась и до сегодняшнего дня. Суть в том, что почти все серьезные экономические сочинения советского периода были написаны в нормативном плане, то есть содержали предложения по улучшению тех или иных сторон экономической системы. Просто описательные работы, выполненные, как сейчас говорят, в дескриптивном методе, не считались достаточно научными.

Политическая экономия социализма выполняла несколько функций – в качестве одной из главных была пропагандистская и в научном смысле менее интересная. Почти все научные работы, в том числе, конечно, и серьезные, в той или иной мере содержали элементы апологетики. Это было неизбежно. Вместе с тем можно выделить еще три функции советской политической экономии, которые носили научный характер.

Первая функция – это попытка объяснения существующего строя (не его оправдание, что относится к апологетике). Авторы пытались как-то уточнить и конкретизировать многие принципиальные положения, которые составляли основу официальных идеологических трактовок. Это было чрезвычайно трудно и удавалось в крайне незначительной степени. Основная трудность заключалась не в репрессивности режима (это лишь внешний фактор), а в том, что сами ученые находились в ловушке сталинской методологии. То есть авторы искренне полагали, что они живут при социализме (с любыми эпитетами) и пытались на основе марксистской методологии научно объяснить это новое общество. Но сделать это было невозможно: последовательное уточнение какого-либо официального идеологического положения приводило в конце концов или к отрицанию социалистического характера общества, или к отрицанию соответствия официального положения марксизму.

Вторая функция – это попытки усовершенствования существовавшего строя, позволявшая легче развернуться в теоретических построениях, высказывать различные взгляды и устраивать дискуссии. Стоит

отметить, что почти все основные дискуссии в советской экономической науке проводились в рамках выполнения этой функции, что и соответствовало не только основному предназначению политической экономии социализма, но и социальной традиции отечественной общественной науки.

Третья функция – это создание общей теории социализма. Такие попытки предпринимали многие исследователи, но их результат был чрезвычайно ничтожным. Главная причина состоит опять же в том, что советскую практику многие исследователи принимали за практику социалистического общества и никак не могли ее непротиворечиво увязать с классическим марксизмом или с какой-либо другой общей социалистической теорией.

В этих рамках разворачивались политэкономические исследования сотрудников ИЭ. Основное противоречие, с методологической точки зрения, в котором они оказались, состояло в том, что, с одной стороны, нужно было соответствовать традициям «субъективного метода в истории», или социального подхода, и активно формировать (или оправдывать) существовавшую экономическую политику, а с другой – нужно было исследовать и объяснять реальности социально-экономического процесса, как он происходил в действительности.

Традиции российского обществознания

Итак, обратимся к работам ИЭ, которые были посвящены именно методологическим аспектам экономической политики Советского государства. Здесь следует выделить работы Л.М. Гатовского по «теории советского хозяйства». В них автор пытался определить и обозначить теоретические основы нового типа хозяйства. Но и в этих работах Гатовский делал упор на субъективные возможности власти планировать хозяйственное развитие. Рассуждая о регуляторе экономического развития в СССР, он писал: «Поскольку процесс обобществления, составляющий содержание регулятора, не может осуществляться путем стихийного “врастания”, он неотделим от планового руководства, от плановой формы. Иными словами, регулятором экономики СССР является плановый регулятор процесса построения социализма» [6, с. 51]. Далее в этой же статье Л. Гатовский пишет о «специфической роли надстройки», о «ведущей роли экономической политики» [6, с. 65] и о других аналогичных положениях, которые встречались практически повсеместно.

Многие советские экономисты и идеологи 1920-х и 1930-х годов, в том числе и ученые ИЭ, плановое воздействие на экономику и общество рассматривали как основополагающее. Даже в более поздний, послевоенный период во многих теоретических постанов-

ках плановое начало (то есть сознательное действие) выдвигалось как существенный элемент функционирования экономических законов. Л. Гатовский в 1979 г. писал, что «регулирующая роль экономических законов при социализме реализуется через плановое управление хозяйством» [7, с. 99].

Нельзя забывать о том, что почти все ученые ИЭ исходили из необходимости совершенствования именно социалистического общества. Многие верили, что весь комплекс улучшений приближает существующее общество к искомому идеалу. Но особенность школы ИЭ состояла в том, что методологические рассуждения по проблемам улучшения экономической системы прежде всего выявляли характерные черты реально существовавшей системы и на этой основе пытались уточнять или даже трансформировать идеальные представления.

Таким образом, работая в целом в рамках отечественной традиции «субъективного метода», или императива *должное*, политэкономические исследования ИЭ находились как можно ближе к анализу реальности, то есть императива сущего, и это иногда даже доминировало в их работах. В этом состояла известная противоречивость представителей школы ИЭ: вынужденные работать в общих рамках социального направления, или «субъективного метода», они волей-неволей скатывались на позиции реального направления.

Наверное, самым плодотворным и интересным ученым именно этого противоречивого плана был В.Г. Венжер, который почти всю свою творческую деятельность провел в стенах ИЭ и которого можно назвать наиболее ярким представителем «субъективного метода» в объективной, реальной школе ИЭ.

В книге, написанной им в 1990 г., в последний год жизни, В.Г. Венжер излагал свои мысли более откровенно, ибо в период горбачевской перестройки это было уже допустимо. В этой работе Венжер прежде всего исходил из экономической реальности: «Наш социализм ни полным, ни даже развернутым пока что далеко не является. Раз так, то, следовательно, переходный период от капитализма к социализму все еще продолжается и будет продолжаться до тех пор, пока это строительство не завершится в полной мере или во всяком случае не достигнет состояния всеобщего достатка» [5, с. 50]. Но Венжер хотел усовершенствовать эту реальность. Однако перед ним стояла трудная задача по совмещению его теоретических представлений с реальностью экономического процесса. Он не был ортодоксальным приверженцем классического (в каутскианской его трактовке) марксизма. Почти всю свою жизнь он развивал и отстаивал теорию социализма, тесно связанного с кооперацией. В действительности В.Г. Венжер был идеологом «кооперативного социализма», причем одним из крупнейших идеологов этого направления в советское время. Хотя в то время

понятие «кооперативного социализма» активно отвергалось, Венжеру как-то удавалось излагать свои идеи. В той же, последней своей книге он писал: «Полный социализм есть строй кооперативный» [5, с. 87–88]. То есть он смог сделать почти в полной мере конкретные разработки по развитию колхозной кооперации, что всегда вызывало оживленную дискуссию и даже жесткую критику.

Однако общую теорию кооперативного социализма ему разработать не удалось. Вернее, ему не позволили. Принципы кооперации В.Г. Венжер распространял на все общество, на все предприятия. «При наличии общественной формы собственности, – писал он, – каждое отдельное предприятие лучше и надежнее всего превратить в предприятие кооперативное. В настоящее же время, поскольку по целому ряду объективного и субъективного характера причин наши промышленные предприятия являются государственными, превращать их в государственно-кооперативные следует путем сдачи по договору трудовым коллективам». «Самое главное и самое ответственное, – писал он о горбачевской перестройке, – это перевод, постепенный, но неукоснительно последовательный, всей и промышленной и земледельческой деятельности на рельсы кооперативности. ... Конечная цель перестройки – перевод всей экономики страны на рельсы общественного самоуправления, следовательно, на рельсы всеобщей кооперативности» [5, с. 93, 91].

В этих выдержках Венжер предстает уже как активный мыслитель социального направления, когда реальность предполагалось переделывать с точки зрения «идеала». «Идеалом» общественного устройства у Венжера был «кооперативный социализм». Но в то время кооперативные начала объективно присутствовали в реальном экономическом процессе и, говоря точнее, они требовали легализации. Особенно если иметь в виду многомиллионную армию крестьянства в 1920-х и 1930-х годах, чего нельзя сказать о промышленности в целом. Тем самым Венжер, работая в рамках социального направления, твердо стоял на почве реальности в определенных конкретных вопросах. Это целиком относится к колхозному строю.

Во многих работах ИЭ, особенно в послевоенный период, «субъективный метод» хотя и присутствовал, но не так довел, как могло бы быть характерно для субъективной школы. Это можно видеть по многим теоретическим положениям, которые формулировались на основе изучения реального экономического процесса: положение о законе стоимости и товарности советской экономической системы; фактического неравенства субъектов производства; кооперативности и кооперативной формы собственности; стоимости воспроизводства рабочей силы, экономической обособленности и экономической самостоятельности предприятий и некоторые другие.

Плодотворные для развития теоретической дискуссии постановки можно обнаружить в целом ряде работ сотрудников ИЭ, посвященных теории собственности (М. Колганов. Собственность в период перехода к коммунизму. М., 1963; А. Еремин (ред.). Общественная собственность развитого социалистического общества. М., 1979), основному закону и цели производства (В. Черковец (ред.). Основной экономический закон социализма. М., 1978; Г. Латышева. Основное отношение и высшая цель общественного производства при социализме. М., 1981), а также методологическим проблемам (А. Пашков (ред.). Методологические проблемы исследования экономики развитого социализма. М., 1976; А. Сергеев. Структура производственных отношений социализма. М., 1979). Вышеперечисленные и некоторые другие работы были выполнены в основном в логике социального направления, что отличало их от традиционных для ИЭ политэкономических исследований «реального» направления. При этом отметим, что многие из названных выше авторов пришли лишь на некоторое время в ИЭ из МГУ и, естественно, своими, хотя и интересными и творческими работами, но все же не вписывались в реальное направление исследований ИЭ.

Тем не менее политэкономические исследования ИЭ нельзя полностью и целиком отнести к «субъективному методу», или социальному направлению, и главная причина здесь, на наш взгляд, состоит в том, что эти исследования стремились как можно ближе быть к экономической реальности и, что также очень важно, эту реальность воспринимать не в деталях, а системно, как целостную общественно-экономическую систему, в точном смысле этого слова.

Попытки систематизации категорий политической экономики

Когда говорят о развитии политэкономических исследований в нашей стране, обычно освещают дискуссию 1951 г. и учебник «Политическая экономия» 1954 г. Действительно, это были значительные вехи в истории отечественной экономической мысли. И львиная доля «заслуг» в этом приходится на ИЭ. Скажем здесь несколько добрых слов в адрес учебника. В нем впервые была предпринята попытка системно охватить все основные проблемы «экономической теории социализма», как тогда она представлялась. В учебнике были разделы и по другим «способам производства», но это не является предметом настоящего рассмотрения. На фоне некоторой раздробленности экономических представлений о «государственном социализме» сталинского периода такая систематизация знаний или, точнее говоря, формул и установок, была понятна, удобна и целесообразна. Учебник создал современную экономическую терминологию, понятийный аппа-

рат и сферу допустимого научного поиска. Прагматическую функцию консолидации экономической идеологии этот учебник выполнил хорошо – созданная им система экономических категорий и соответствующей терминологии до сих пор прочно удерживается в массовом политэкономическом сознании. К сожалению, та идеология была совсем плохая.

Даже пытаясь найти рациональные зерна в серии политэкономических исследований ИЭ и обрисовывая эти исследования как своеобразную «реальную школу», невозможно не отметить и резко негативную роль этого учебника. После выхода этого учебника надолго остановилось развитие реальных исследований в экономической теории: инакомыслие в теории давилось формулами из этого учебника, все учебные программы строились только в соответствии с ним. До сих пор отечественным экономистам трудно дается гармоничное восприятие многих новых течений и положений мировой экономической теории (неоавстрийская школа, неоинституционализм, концепции современной социал-демократии, радикальная политическая экономия, социоэкономическое направление и др.).

Однако винить составителей этого учебника в злом умысле нельзя. Это не их вина, а беда всей экономической науки, всего того времени. Интересно то, что почти все дальнейшие политэкономические исследования ИЭ шли против формул этого учебника, в борьбе с ними. Ибо схемы учебника описывали не то, что было в реальности, а то, что виделось идеологам властвующего слоя. Ученые ИЭ пытались отталкиваться от реальности и в своих теоретических построениях приближаться к ней. Именно это стремление к реальности и выделяет политэкономические исследования ИЭ в особое направление, которое можно определить как «реальное направление» или «реальную школу». Однако эта борьба была плохо заметна для постороннего взгляда. И если в каких-то конкретных исследованиях и на отдельных участках экономической теории можно констатировать продвижение к научной реальности, то в целом, в основных конституирующих положениях продвижения почти не было. Об этом свидетельствует, например, трактовка социалистической собственности, как она давалась в учебнике «Политическая экономия», и ровно через 30 лет – в фундаментальном труде ИЭ «Экономический строй социализма». В первой работе читаем: «Общественная собственность является основой социалистического строя. ... В первой фазе коммунизма общественная социалистическая собственность существует в двух формах: 1) в форме государственной собственности и 2) в форме кооперативно-колхозной собственности» (1954 г.) [15, с. 392]. Во втором труде указывается на отношения социалистической собственности, «прежде всего двух ее форм, составляющих основу экономической системы социализма

в нашей стране, – общенародной и колхозно-кооперативной» (1984 г.) [18, с. 222]. Принципиальные различия между этими формулами состоят лишь в том, что в первом случае употребляется термин «кооперативно-колхозная» собственность, а во втором – «колхозно-кооперативная».

Следует сказать, что все попытки систематизации категорий политической экономии социализма как продукт коллективных усилий не дали однозначного положительного результата. Сегодня эти коллективные труды могут служить впечатляющим памятником той эпохи: в них не было живой научной мысли, не было и цельной концепции ни того общества, которое было в реальности, ни того, которое желательно было видеть. Функция политической экономии по созданию общетеоретической концепции социализма или его экономической основы в советский период практически не выполнялась. Ибо невозможно было непротиворечиво увязать в единую систему классический марксизм, официальную советскую экономическую идеологию, которая должна была бы базироваться на этом марксизме, и хозяйственную реальность. Вообще коллективные труды в экономической теории – дело чрезвычайно неблагодарное, так как полученный в итоге результат, при колоссальных усилиях научного руководителя, редактора или составителя по «причесыванию всех под одну гребенку», оказывается существенно меньше затраченных усилий. Политическая экономия, как и любая другая наука, развивалась в трудах отдельных ученых.

Попытки приближения к противоречивой реальности

Исследования теоретических вопросов политической экономии постоянно наталкивали ученых на проблему резкого расхождения реального экономического процесса и идеологического его оформления. С одной стороны, надо было соответствовать идеологическим схемам советской конструкции «марксизма-ленинизма», по крайней мере, далеко «оттуда не выпадать». За это наказывали более сильно, чем за что-либо другое. Этот момент осложнялся еще тем, что данная идеологическая конструкция постоянно менялась, причем в разные стороны. С другой стороны, надо было соответствовать классическому марксизму, ибо последний рассматривался как основа советской идеологической конструкции. Трудность здесь состояла в том, что конструкция «марксизма-ленинизма» далеко не всегда совпадала с классическим марксизмом (например, положение о строительстве социализма в отдельно взятой стране), и уже отсюда шла раздвоенность. Но была и третья сторона – народно-хозяйственная практика, изучение и объяснение которой вообще-то составляло важнейшую функцию политической экономии. Разные научные коллективы решали эту

проблему по-разному. Так, коллектив кафедры политэкономии МГУ (Н. Цаголов) основные усилия направил на разработку теоретических проблем, обосновывающих отрицание товарного характера «социалистического производства», что, при сохранении стройности абстрактной марксистской теории, уводило в сторону от анализа реального экономического процесса. Зато в этой школе почти не было противоречий с классическим марксизмом.

Институт экономики так поступить не мог, в силу его обязанности заниматься и народно-хозяйственными проблемами. Поэтому его теоретики и политэкономы вынуждены были искать пути непротиворечивого соединения хозяйственной реальности с господствующей политэкономической теорией. Но при этом они оказывались в двойственном состоянии: создание теории, адекватной практике, вело к ревизии сложившихся «марксистско-ленинских» формул.

Наиболее глубоко эту противоречивость в своих научных работах отразил Я.А. Кронрод, который для послевоенного периода в политэкономических исследованиях ИЭ был одной из центральных фигур, а в 1960-е годы – основной.

В отличие от многих политэкономов, которые крепко держались за спущенные сверху партийные формулы или абстрактные теоретические построения марксизма, Кронрод, наоборот, исходил из жизненных реалий и пытался теорию подправлять под практику. Поэтому он и внес много нового в теорию, постоянно рождая у своих читателей сомнения в истинности официальной теории. В целом его теоретические построения были намного ближе к практике, но все дальше отходили от сталинских политэкономических догм. Кронрод последовательно выступал за развитие рыночных отношений, товарного производства, закона стоимости, за экономическую демократию и т. д. Однако все эти категории не были категориями сугубо социалистических отношений и были очень трудно совместимы с господствующими социалистическими императивами.

С уровня сегодняшнего знания мы вправе утверждать, что Кронрод оказался в клещах теоретического противоречия, которое вообще было присуще всей нашей прежней политэкономической конструкции. Более того, я бы сказал, что Кронрод лучше и глубже всех выразил это противоречие, чем все остальные советские политэкономы. Это хорошо видно на примере его конструкции двух форм народно-хозяйственных связей (прямой, непосредственно планомерной, и косвенной, товарной), за что его в равной мере обвиняли в непоследовательности и рыночники (более близкие и симпатичные ему исследователи), и сторонники планового хозяйства. А ведь две формы связи Кронрода – это иная трактовка известной теории двух регуляторов Е. Преображенского. Но Преображенский разрабатывал свою теорию

для переходного хозяйства, не имея в виду социалистическое общество. В сегодняшнем понимании вопроса эти две формы связи Кронрода могли бы означать переходный характер того общества, в котором и жил Кронрод. И это было намного ближе к реальности, чем другие, менее противоречивые конструкции. Более того, две формы народно-хозяйственных связей Кронрода сегодня в политэкономической литературе трактуются как конституирующий момент современной смешанной экономики [13, с. 64].

В разработках Якова Абрамовича по теории социализма налицо были почти все характеристики рыночного социализма, а именно: товарный характер социалистического производства, регулирующая роль закона стоимости; проблема цены как балансирующего средства спроса и предложения; необходимость конкуренции (позднее он был вынужден писать об экономическом соревновании между предприятиями); наличие фактического неравенства между участниками социалистического производства, как его объективно необходимый момент; комплекс противоречий, конституирующих социалистическое общество и дающих импульс для его развития.

Но для того чтобы в методологическом плане обосновать теоретические постулаты рыночного социализма, не называя его именно так, следовало сделать еще один, пожалуй, решающий шаг. Необходимо было вырвать социализм из коммунизма и отделить их друг от друга. И Кронрод такой шаг сделал. Я имею в виду дискуссию 1970 г. о социализме как способе производства, которая проходила в Институте экономики АН СССР и после которой Институт решением ЦК КПСС был полностью реорганизован. Я.А. Кронрод из заведующего сектором был переведен в «исполняющего обязанности» старшего научного сотрудника. Политический режим в этом затянувшемся романе с Я.А. Кронродом поставил точку.

Кронрод обосновывал экономическую теорию *социализма*, то есть нечто мало похожее на то, чем пробаивались «реалсоциалистические» власти. Когда он выстраивал отдельные категории и параметры социалистического здания, хоть в какой-то мере отвечающего здравому смыслу и требованиям современной науки, его терпели. Но когда он приступил к интеграции всего, что им было разработано, стало очевидно, что в результате получается совсем не то, что было написано не только в документах КПСС, но и во многих трудах классиков марксизма-ленинизма.

Чем же, собственно говоря, Кронрод напугал политические власти? В своем докладе на институтской конференции 1970 г. он, например, говорит о таких, получивших именно сегодня развитие (правда, иногда довольно своеобразное) предметах, как выделение и отделение от государственной политической организации общества «все-

общей общественной негосударственной ... экономической его организации»; экономического соревнования между предприятиями и регулирующего значения в этом процессе закона стоимости («расширение материально стимулируемого экономического соревнования, повышения его эффективности через отмену фондирования и замену его планомерной торговлей...»); наконец, о необходимости экономической демократии, «экономической свободе личности непосредственного производителя» [8, с. 16, 33, 41]. Главную проблему в теории развития человеческого общества на данном историческом этапе Кронрод понимал так: «Перед наукой во весь рост стал принципиальный общий определяющий вопрос: что представляет собой социалистическая фаза коммунизма – есть ли это лишь относительно исторически кратковременная начальная ступень развития коммунистического способа производства или же это есть исторически особая длительная полоса развития человеческого общества, опирающаяся как на свой экономический фундамент – на социалистический способ производства, представляющий собой особый по сравнению с развитым коммунизмом, способ производства, специфически исторический способ производства, открывающий эру коммунистического развития человечества, но являющийся еще именно социалистическим способом (в отличие от прогрессивно друг друга сменяемых в процессе будущего общественного прогресса способов производства полного коммунизма). Другими словами, встал вопрос: представляет ли социализм как низшая начальная фаза коммунизма, то есть как этап его становления, самостоятельный способ производства?» [8, с. 6].

Ну и что здесь такого особенного? Где же тут ревизия, отступничество, ересь? Сегодня все это представляется какой-то очень абстрактной конструкцией в поиске общности и различий между социализмом и коммунизмом и какой-то утопической схоластикой. Но не то было 50 лет назад.

Наиболее умные критики Кронрода все правильно поняли. Вот что писал И. Кузьминов по поводу вышеприведенной конструкции Якова Абрамовича: «В этой схеме общие черты социализма и коммунизма смазаны, а на первое место выдвинуты специфические, в первую очередь товарно-денежные. Автор обосновал наличие глубинных различий между социализмом и коммунизмом, в то время как в действительности следует исходить из их глубинных общих основ. Не случайно некоторые последователи Я.А. Кронрода, восприняв его концепцию, сделали из нее логические выводы, провозглашая необходимость конкуренции при социализме, толкуя распределение по труду по существу как распределение по рыночным условиям, рассматривая закон стоимости чуть ли не как основной экономический закон социа-

лизма и т. д. Такая трактовка социализма, естественно, не укладывается в рамки первой фазы коммунизма. Но именно это-то обстоятельство и служит убедительным доказательством ее непригодности» [9, с. 20].

Я думаю, что И. Кузьминов в целом был прав. Концепция Кронрода «не укладывалась» не только «в рамки первой фазы», но и в рамки официальной трактовки государственного социализма. Поэтому была естественной и закономерной жесткая критика Я.А. Кронрода, резкое ограничение его публикационных возможностей.

Конечно, не только Я. Кронрод оказался в таком сложном состоянии из-за противоречий между реальным экономическим процессом, который требовал позитивистского подхода, и вульгарно истолкованным «субъективным методом». Многих сотрудников ИЭ жестко критиковали после той знаменитой конференции, прежде всего сотрудников кронродовского сектора: В.Г. Венжера, Л.В. Никифорова, Б.В. Ракитского. Но и другие ученые ИЭ, которые не являлись объектом политической критики, отражали эту противоречивость реального экономического процесса и его теоретического отражения в своих работах, например: Е. Маневич (Проблемы общественного труда в СССР М., 1966); Б. Ракитский (Общественные фонды потребления как экономическая категория. М., 1966); Э. Миженская (Личные потребности при социализме. М., 1973); Л. Евстигнеева (Формирование потребностей в развитом социалистическом обществе. М., 1975); Р. Иванова (Научно-техническая революция и развитие общественного труда в СССР. М., 1976); Е. Капустин (Социалистический образ жизни. Экономический аспект. М., 1976); В. Куликов (Экономические противоречия социализма: характер и формы разрешения. М., 1986) и др.

Однако при всей сложности и противоречивости ситуации, связанной с устоявшимися теоретическими формулами и всей идеологической завесой, к реальности надо было пробиваться – выполнять нормативную функцию политэкономия могла только тогда, когда ее практические предложения были бы адекватны самой реальности. Именно эту задачу и старались решать, хотя и со многими оговорками, ученые ИЭ в своих наиболее глубоких политэкономических исследованиях. Сейчас поясню, что имеется в виду. Реальность госсocialизма можно было рассматривать, по крайней мере, в трех срезах. Первый, самый поверхностный срез, составляла официальная идеология, насаждаемая властью, которую можно назвать «марксизмом-ленинизмом». Второй срез представляла народно-хозяйственная экономическая политика, которая, с одной стороны, должна была соответствовать официальному «марксизму-ленинизму», а с другой – все-таки обслуживать и направлять реальный экономический процесс. И, наконец, третий срез, лежащий более глубоко, представлял сам объективный экономический процесс. Этот третий срез почти постоянно находился

в противоречии с экономической политикой и еще в большем противоречии – с официальной экономической идеологией.

Идеология, вообще-то всегда составляет своего рода методологическую базу экономической политики. Это нормально и естественно. Но в советский период, строго говоря, научно выработанной идеологии и не было, ничего научного она не содержала, кроме нескольких фраз из классического марксизма. Задача советской идеологии сводилась к обоснованию власти правящего слоя и сиюминутному реагированию на возникающие эмпирические потребности. Отсюда берут начало бесконечные противоречивые решения в экономической политике.

Но ученые ИЭ не могли просто ограничиваться официальными идеологическими формулами – в своих исследованиях они шли от потребностей хозяйственной практики. Поэтому их теоретические работы, которые в целом носили нормативный характер, то есть были выполнены в отечественных традициях «субъективного метода», все-таки в большей мере отвечали на вопрос: как единственно возможно было делать в существующих условиях? То есть политэкономические исследования ИЭ выполнялись не в терминах *должного*, а терминах *сущего*. Покажем это на конкретных примерах.

Так, Я. Кронрод, анализируя понятие «социалистическая собственность», указал на противоречие между формальным равенством производителей в распоряжении средствами производства и фактическим неравенством использования средств производства различными общественными группами трудящихся. Это же положение в 60-е годы более углубленно развил на примере кооперативной собственности Л.В. Никифоров: «Другими словами, кооперативу присуще внутреннее противоречие между общностью, равенством присвоения средств производства и фактически неравным положением людей, выражающимся в социальной неоднородности их производственной деятельности... Это противоречие отражает то обстоятельство, что существующий уровень производительных сил не создает основы для равного положения людей даже в пределах группового присвоения средств» [14, с. 206–207]. В этих теоретических положениях говорилось об экономическом и, следовательно, о социальном неравенстве, как объективно необходимой черте существовавшего советского общества.

Такая трактовка собственности в условиях госсocialизма была отражением реальности, а не официальной экономической идеологии. В этом отношении характерна вся трактовка проблемы товарного производства и товарно-денежных отношений «при социализме». Школа ИЭ исходила из реального экономического процесса, где объективно присутствовали все товарные и рыночные отношения, и их она и предлагала легализовать. Так, Б.В. Ракитский писал в 60-е годы: «То обстоятельство, что одни товары временно дефицитны, а другие –

избыточны, в цене никак не учитывается. ... Полный хозрасчет предполагает, что предприятия учитывают в своей работе конъюнктуру, реагируют на нее» [17, с. 140]. В другом месте Б. Ракитский писал, что при гибких ценах, которые могли бы колебаться в зависимости от реальной хозяйственной конъюнктуры, разовьется внутриотраслевое экономическое соревнование [16, с. 119]. Эти и другие утверждения можно было воспринимать как некоторые предложения по экономическому реформированию, что многие и делали. Но методологически реформизм ИЭ был особого рода. Предлагаемые реформы, например, развитие рыночных отношений, нельзя рассматривать как некоторые мероприятия по улучшению и развитию в целом уже «хорошего» общества, как достройку еще одного этажа хорошего здания. То есть, мол, общество и без рыночного механизма было приличным и себя вполне оправдывало. Но время изменилось, и чтобы теперь двигаться дальше, нужно ввести рыночный механизм, тогда будет совсем хорошо. Это логика обычного реформизма. Предложения ИЭ исходили из иной логики. Ученые ИЭ говорили, что общество без рыночного механизма вообще никуда не годится, ни теперь, ни раньше. Рыночный механизм и товарные категории надо «ввести» не потому, что они хорошие, более прогрессивные. Как раз многие сторонники рыночного реформизма уже и тогда прекрасно понимали убожество рынка. Но рыночные реформы нужны были потому, что товарные, рыночные категории и отношения и так уже есть в экономике, хотя и сильно деформированные. Их надо легализовать для правильного использования. Поэтому сегодня экономический реформизм ученых ИЭ следует рассматривать как отражение той реальной экономической действительности, которую на самом деле и представлял социально-экономический строй «государственного социализма». В проникновении в глубинные основы экономического строя, которые в реальности в СССР были товарными (что требовало легализации рыночных отношений) состоит непреходящая заслуга многих политэкономических исследований ИЭ. За это Институт экономики те власти не любили. Эти тоже его не любят по той же причине. Но об этом позже.

Реалистичность

Этим словом можно обозначить характер и направленность политэкономических исследований конца 1980-х – начала 1990-х годов в Институте экономики. В это время в обществе произошли серьезные политические изменения, которые в политэкономических исследованиях нашли неоднозначное отражение.

В массовом политэкономическом сознании утвердился стереотип так называемого «конца истории», краха «социализма», завершения

господства марксизма и торжество либерализма. Однако в политэкономических исследованиях ИЭ этот процесс рассматривался иначе. В работах многих ученых ИЭ утверждалось, что собственно социалистического общества после русской революции 1917 г. в России не сложилось, а получился огосударствленный строй социального олигархизма. «Итак, – пишет, например, Л. Никифоров, – государственный олигархизм вместо обещанного социализма – таков результат стратегического посленэповского и антинэповского поворота развития Советского Союза в конце 20-х годов XX века» [13, с. 29].

Соответственно, при такой методологической позиции нельзя было ждать и перехода к либерально-демократическому обществу по типу западноевропейских стран. Россия, по мысли Л. Никифорова, «не может эффективно развиваться в условиях господства какого-либо одного типа общественных отношений, будь то капитализм или огосударствление. Поэтому она отторгла капитализм как господствующий строй уже в 1917 г. и не приемлет его в таком качестве сегодня» [13, с. 3]. Не вдаваясь в анализ некоторых тонких и еще недостаточно проясненных моментов этой позиции, отметим здесь главное. А главное состоит в том, как это было свойственно всем основным работам «реальной школы» ИЭ, что данная трактовка социально-экономического устройства – это прежде всего отражение действительной реальности, а не пожелания лучшего общества. Конечно, автор, как и многие другие его сторонники, подчеркивает необходимость «стратегии» становления общественной системы «принципиально нового смешанного интеграционного типа». Но упор здесь делается не на том, что, мол, надо, «засучив рукава», в сжатые сроки возвести эту смешанную систему, а на необходимость учитывать объективные закономерности общественного развития («общемировые тенденции») и сущностные особенности страны. То есть, по сути дела, во главу угла ставится, прежде всего, учет реальной действительности социально-экономического развития.

Этот же методологический прием присутствует во многих теоретических построениях ИЭ относительно проводимого ныне курса экономического реформирования. Не вдаваясь в анализ деталей современного экономического реформирования, вычленим лишь методологический аспект проблемы.

Наиболее глубоко и ярко этот подход в политэкономическом плане представлен в серии работ Л.И. Абалкина. Еще в самом начале экономического реформирования, в 1992 г., Л. Абалкин писал, что «свободный, нерегулируемый рынок, находящийся во власти стихийных сил, не в состоянии решить современные проблемы». И дальше: «Экономические и политические реформы, начатые в ходе перестройки, постепенно соскользнули к однобокому и весьма упрощенному подходу,

к попыткам механически взять и насадить на российской почве модель западной цивилизации, особенно, и прежде всего, в ее американской модификации. Этот замысел бесперспективен и обречен на неудачу» [1, с. 69, 199]. В результате всего монетаристского реформирования, как пишет автор: «Произошла глубокая деформация внутренней структуры воспроизводства. Постепенно проедается и стареет основной капитал. Падающие инвестиции уже неспособны поддержать функционирование важнейших отраслей жизнеобеспечения хозяйства и общества. Не хватает оборотных средств. Кризис платежей парализует экономический оборот». «Нынешний российский кризис ... перерос в прямой развал экономики» [2, с. 63, 71]. Итак, один из наиболее ярких и последовательных представителей «реальной школы с самого начала «шоковой терапии» в экономике выступал с предостережениями против очередных мифов и скоропалительных решений.

При этом важно отметить, что Л. Абалкин (как, впрочем, и многие другие представители «реальной школы» – Я. Кронрод, В. Венжер, В. Батырев, А. Ноткин и др.) еще в 1960-е годы и позже выступал за развитие рыночных, товарных отношений в условиях тогдашнего «социализма». Ибо та огосударствленная экономика требовала развития в сторону большей товарности, рыночности. Такова была ее природа. Но сегодня «рыночные романтики», опять же без всякого учета объективной природы и исторических особенностей российской экономики, провозглашают рынок панацеей от всех бед. Естественно, что представители «реальной школы» вынуждены развернуть орудия критики на 180 градусов и начать систематическое наступление на очередное мифотворчество.

Эти идеи развиваются во многих работах ИЭ сугубо политэкономической направленности, например, в следующих монографиях: Л. Абалкин (ред.). Панорама экономической перестройки. М., 1989; Л. Никифоров (ред.). Смешанное общество: основы, сущность, проблемы. М., 1993; Ю. Ольсевич. Трансформация хозяйственных систем. М., 1994; Л. Абалкин. Спасти Россию. М., 1999 и др. Здесь же можно назвать посмертную публикацию четырех фундаментальных книг Я. Кронрода, в т. ч. «Очерки социально-экономического развития XX века» (М., 1992).

Сегодня видно, что предостережения начала 1990-х годов полностью оправдались. Представители «реальной школы» ИЭ оказались существенно ближе к реально сложившемуся состоянию общества, чем представители некоторых других школ.

Анализ основных этапов развития политэкономических исследований в ИЭ убеждает в том, что основная линия этих исследований проходила во все большем приближении к реалиям существующего социально-экономического процесса. Если в советский период это

был упор на большее развитие товарного производства и рыночных отношений, то в постсоветский период, наоборот, упор делается на ограничение рыночного саморегулирования экономики, на развитие социально ориентированного рыночного хозяйства. То есть упор в исследованиях делается, скорее, не на *должное*, а на *сущее*.

Здесь требуются некоторые пояснения. Может создаться впечатление, что сегодняшние либеральные реформаторы (которые в большинстве своем выходцы из социального направления), требуя безграничного развития рыночных начал, как раз исходят из реальности. Ибо в других странах Запада, как они говорят, наблюдается полное господство рыночной экономики. Однако страны Запада очень разные. Но главное, Россия не есть страна Запада. Исторические и географические особенности России, не выбивая ее из общемирового хода истории, придали происходящему здесь экономическому процессу существенное своеобразие, которое требует своей, особенной рыночной экономики. И она тут уже есть в реальности. Поэтому рынок в России надо не сворачивать, как пытались делать первые большевики, и не раздувать, как ныне делают либерал-реформаторы, а всего лишь легализовать в его исторических пределах и с учетом его особенностей. «Любая программа, – считал Л.И. Абалкин, – не учитывающая исторического своеобразия страны, ее социокультурных особенностей, господствующих стереотипов массового сознания и поведения, окажется неизбежно бесплодной и нереализуемой» [3, с. 7].

Вместе с тем нельзя политэкономические исследования ИЭ выводить вообще за пределы отечественной традиции «субъективного метода», ценностных ориентиров общественного развития. Но особенность «реальной школы» ИЭ состояла и состоит в том, что эти исследования находились на наиболее близком расстоянии к реальной жизни, стремились сократить это расстояние.

Это естественным образом вызывало недоумение и даже недовольство властвующим слоем в обществе: как же так происходит, что главное научное учреждение в области экономической идеологии в советский период высказывает мысли, идущие вразрез с идеологией власти? И сегодня новая мифология в экономической политике власти не находит отражение в политэкономических исследованиях ИЭ. Наоборот, ученые ИЭ высказывают совершенно другие мысли, противостоящие рыночным фундаменталистам и мечтателям. Реализм против мифов – так можно было бы обозначить главный лозунг «реальной школы» ИЭ.

Сегодня в России либеральным реформаторам противостоят не только ученые ИЭ, но, пожалуй, значительная часть российских экономистов. Все это почти полностью относится к Отделению экономики Российской академии наук, которое, по словам, сказанным

его бывшим академиком-секретарем Д.С. Львовым, начиная с конца 1992 г. формирует теоретическую оппозицию либерально-радикальной концепции [11, с. 28]. Но в данной статье внимание было сконцентрировано на школе ИЭ. Кстати, академик Д.С. Львов долгое время, еще в советский период, работал в Институте экономики.

В советское время власти боролись с реализмом ИЭ путем оргвыводов, принятия соответствующих постановлений и постоянных реорганизаций. Это было неприятно, но чрезвычайно полезно для широкого распространения идей «реальной школы». Сегодня делают проще: уменьшают финансирование и замалчивают. Дешево и сердито.

Возрождение политэкономии в России

Провал либеральной экономической концепции реформирования российской экономики, навязывание нам западного экономикса и американизированной экономической теории вызывает необходимость найти точку опоры для возрождения политической экономии в России. И что-то в этом отношении у нас начинает делаться, но трудно и противоречиво. Еще в 2009 г. академик Л.И. Абалкин писал: «Современное возвращение к политической экономии – трудный и мучительный процесс. Он требует серьезных раздумий и переосмысления многих стереотипов массового сознания» [4, с. 3]. Однако этот процесс, как говорится, пошел.

В 2010 г. Институт экономики РАН совместно с Новой экономической ассоциацией провел научную конференцию «Есть ли место политэкономии в современной экономической науке?» [10]. Такая конференция назревала давно. Отмена и почти запрещение политической экономии как научной и учебной дисциплины внесло некоторую растерянность и даже разброд в рыхлые ряды постсоветских политэкономов. Большинство из них надеется на возвращение политической экономии. Для этого есть много причин. Назову, может быть, главную. Политическая экономия в российской интеллектуальной традиции (со второй половины позапрошлого века) была не только набором рекомендаций и указаний, что и как надо делать в народном хозяйстве, но прежде всего помогала пониманию этого хозяйства и путей развития общества.

Сейчас такое сочетание слов, как *политическая экономия*, начинает мелькать все чаще и чаще. Это связано со многими факторами. Выделим лишь два. Банкротство неоклассической тенденции в экономической теории, которая не смогла предвидеть мировой финансовый кризис и вообще не в состоянии объяснить современные тенденции развития глобальной экономики. Вторым фактором является то, что в последние 30 лет (и это отмечают все исследователи) произошел очень серьезный рост неравенства во всем мире.

В Институте экономики РАН создан специальный сектор, который занимается проблемами политической экономии. Сектор представил программу исследований, которая стала предметом обсуждения и центральным вопросом на конференции. Что должна исследовать современная политическая экономия? Сегодня это очень сложный и дискуссионный вопрос.

Если раньше (XVIII–XIX вв.) политическая экономия была неким теоретическим основанием практически для всей проблематики экономической науки, то по мере развития общества и научного знания из нее постепенно стали выделяться отдельные направления экономической теории, которые также успешно развивались. Каждая из этих наук претендует на свою нишу, на свои методы изучения, на свои способы объяснения. При этом возникает вопрос: осталась ли ниша, которую может изучать только сама политэкономия? Не другие развивающиеся науки (скажем, социология, или та же неоклассическая теория), а то, что характерно для самой политэкономии? На уровне гипотезы хочется предположить, что, безусловно, для политической экономии такая ниша есть, например: вопросы, связанные с историческими факторами экономического развития; вопросы, связанные с экономическими интересами и неравенством; вопросы взаимодействия финансового и реального секторов экономики; вопросы границ рынка и не рынка и другие. В других направлениях экономической теории это рассматривается не в той мере или не в таком ракурсе. Наверное, это и есть поле политэкономического исследования. Все это должно стать предметом оживленных научных дискуссий.

В Институте экономики РАН нет даже мысли о возвращении к старой «марксистско-ленинской» политэкономии. Учебник «Политическая экономия» 1954 г., подготовленный тогда Институтом экономики, сделал свое дело, и реанимировать это бесперспективно. Сегодня в мировой экономической теории не может быть монополии одной концепции. У нас много разных взглядов. Главное – натолкнуть исследователей на то, чтобы более ясно определить, чем мы должны заниматься. Вот это главная проблема. Здесь нет оценок в терминах «хорошо» или «плохо», а надо просто понять, чем должны заниматься политэкономисты в новом геополитическом пространстве.

В апреле 2012 г. в Институте экономики РАН состоялся Первый международный политэкономический конгресс стран СНГ и Балтии. Организатором Конгресса была Международная политэкономическая ассоциация, соорганизаторами – Институт экономики РАН, экономические факультеты Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургского государственного университета, Вольное экономическое общество России и др. В работе этого конгресса приняли участие более 500 участников – представите-

лей академической и вузовской науки из 40 регионов России, а также более 30 зарубежных экономистов из Белоруссии, Казахстана, Молдавии, Украины, США и Франции.

Открыл Конгресс вице-президент Российской академии наук, академик РАН А.Д. Некипелов, который сказал, что новая волна интереса к политической экономии весьма оправданна [12]. Политэкономический подход может стать принципиально важным слагаемым в решении ряда фундаментальных проблем экономической теории. Во-первых, политэкономический подход позволяет успешно решать задачи преодоления теоретической нестыковки между проблемами индивидуального и социального выбора, а эта проблема, в частности, указывает на важность органичной интеграции политического в экономическую теорию. Во-вторых, в политэкономической теории содержатся важные предпосылки для формирования органичного представления не только о функционировании экономических систем и институтов, но и об их становлении и развитии. Именно здесь возможно актуальное критическое использование марксистской парадигмы в логике политической экономии.

Конечно, это будет другая политэкономия, которая не только критически унаследует, но и подвергнет отрицанию ряд прежних установок и догм, но и откроет путь к использованию принципиально новых возможностей, среди которых А.Д. Некипелов особо отметил перспективы «виртуальной экономики» – математического комплекса, моделирующего выведенные дедуктивным путем взаимосвязи и ряд других новых, перспективных направлений развития политической экономии, у которой, несомненно, есть будущее. Но перед этой политической экономией будущего стоят и очень сложные задачи – задачи ответа на вызовы рождающейся новой мировой экономики и общества, задачи поиска оптимальных путей социально-экономического развития России.

На Пленарном заседании был сделан ряд принципиально важных докладов, предопределивших основные пункты дискуссий, проходивших на семинарах, круглых столах и конференциях конгресса. В докладе директора Института экономики РАН, член-корреспондента РАН Р.С. Гринберга и профессора А.Я. Рубинштейна «Экономическая социодинамика: политэкономический взгляд» были затронуты теоретические и прикладные аспекты экономической социодинамики. Речь шла о рынке «опекаемых благ» – особой группы товаров и услуг, в отношении которых имеются нормативные интересы общества. В эту группу, по мнению авторов доклада, входят все блага, в процессе производства и потребления которых принимает участие государство. В современной экономике такие ситуации встречаются все чаще и чаще. «Опекаемые блага» выпадают из-под рыночного саморегули-

рования и требуют специальных мер со стороны общества по модификации рынка. Объяснение этого процесса и составляет новое проблемное поле политической экономии.

В докладе группы сотрудников Института экономики РАН «Политическая экономия и экономическая политика» говорилось, что политическая экономия показывает обществу и власти возможности экономической науки, прежде всего ее академической ветви. На протяжении всей своей деятельности Институт экономики всегда выступал за исследование реальных механизмов хозяйственной жизни, за разработку научных основ экономической политики в условиях рыночной экономики советского и постсоветского периодов. Сотрудники ИЭ стремились к очищению политической экономии от догматизма и мифотворчества в советское время и много сделали для сохранения политической экономии как научной и учебной дисциплины в современной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абалкин Л. К цели через кризис. Спустя год... М.: Луч, 1992.
2. Абалкин Л. Зигзаги судьбы: разочарования и надежды. М.: ИЭ РАН, 1996.
3. Абалкин Л.И. Россия: поиск самоопределения: Очерки. М.: Наука, 2002.
4. Абалкин Л.И. Размышления о будущем России. М.: ИЭ РАН, 2009.
5. Венжер В.Г. Как было, как могло быть, как стало, как должно стать. (Вопросы истории нашего строя). М.: Наука, 1990.
6. Гатовский Л. О предмете и методе теории советского хозяйства // Проблемы экономики. 1930. № 1.
7. Гатовский Л.М. Вопросы развития политической экономии социализма. М., 1979.
8. Кронрод Я.А. Основы развитого социалистического способа производства (тезисы доклада) // Тезисы докладов на институтской научной конференции по проблеме: «Марксистско-ленинская теория развития социалистической экономики». М.: Институт экономики АН СССР, 1970.
9. Кузьминов И.И. Очерки политической экономии социализма. От социализма к коммунизму. М.: Мысль, 1980.
10. Есть ли место политэкономии в современной экономической науке? Материалы научной конференции Института экономики РАН и Новой экономической ассоциации / Под ред. М.И. Воейкова. М.: ИЭ РАН, 2013.
11. Львов Д.С. Экономика развития. М.: Экзамен, 2002.
12. Некипелов А.Д. Кризис общей экономической теории: вызовы политэкономии будущего // Политэкономия: социальные приоритеты. Материалы Первого международного политэкономического конгресса. Т. 1. От кризиса к социально ориентированному развитию: реактуализация политической экономии. М.: ЛЕНАНД, 2013.
13. Никифоров Л.В. (ред.) Смешанное общество: российский вариант. М., 1999.
14. Никифоров Л.В. Сущность кооперативных отношений // Кооперация. Страницы истории. Вып. 8 / Под ред. Н.К. Фигуровской. М., 1999.

15. Политическая экономия. Учебник. М.: Госполитиздат, 1954.
16. Ракитский Б.В. Формы хозяйственного руководства предприятиями. М., 1968.
17. Ракитский Б. Что такое экономические методы хозяйствования. М., 1969.
18. Экономический строй социализма. В 3-х т. Т. 1. Основные черты экономического строя социализма. Рук. В.Н. Черковец. М.: Экономика, 1984.

ABOUT THE AUTHOR

Voeikov Mikhail Illarionovich – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Sector of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
mvok1943@mail.ru

POLITICAL ECONOMY STUDIES AT THE INSTITUTE OF ECONOMICS FOR 90 YEARS

The article discusses the development of political economic studies at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences over 90 years of its existence. A special school of political economic research of the Institute is singled out as a real area of economic theory. The essence of this direction is as follows. For the Soviet period, the Institute's political and economic studies proved the need for greater development of commodity production and market relations in the Soviet economy. For the post-Soviet period, the Institute's studies prove the need for more state regulation of the economy and the limitation of market relations.

Key words: *political economy, commodity-money relations, property, market relations, Institute of Economics.*
JEL: A11, B30, B31, P00.